

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-9-23

А.С. МироновМосковский государственный институт культуры,
141406 г. Химки, Московская область, Российская Федерация

Былинная география как пространство, размеченное смыслами

Аннотация. Исследуя связь топонимов со смыслом былинных мотивов, автор пытается показать необоснованность распространенного представления о том, что былинная география не проецируется на реальную карту мира, что эпический певец ошибочно ассоциирует топонимы и типы природно-климатических поясов со сторонами света и т.д. Автор приходит к выводу, что многие былинные топонимы обретают координаты, сопоставимые с координатами реального мира, если допустить, что былинный универсум размечен аналогично художественной вселенной духовных стихов. «Привязка» многих былинных сюжетов к «каменю Латырю» делает Святую землю – а также Константинополь, гору Афон («Святую гору»), «горы Кавказские», «горы Араратские», «землю Греческую», «горы Сорочинские» – едва ли не главной ареной былинных конфликтов. По мнению автора, для характеристики «метаисторических» событий былинного мира необходимы были не конкретные, но «универсальные» топонимы, указывавшие не на исторический факт, но на группу событий, сближаемых эпическим сознанием по принципу духовной аналогии (например, в образе нашествия царя Калина могли отразиться монгольский погром XIII в. и вторжение «великой армии» Наполеона). Таким образом, топонимы русского эпоса имели фиксированные ценностные координаты, известные аудитории и потому могли использоваться сказителем для оказания воздействия на ценностный центр слушателя.

Ключевые слова: фольклор, героический эпос, былины, художественное пространство, ценности культуры, эпическое сознание

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Миронов А.С. Былинная география как пространство, размеченное смыслами // Литература в школе. 2020. № 3. С. 9–23. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-9-23

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-9-23

A.S. MironovMoscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, 141406, Russian Federation

Russian epic geography as a semantically marked space

Abstract. Researching the connection between place-names and their meanings as the latter are rendered in bylinas, the author tries to disprove the widespread conceptions according to which the geography presented in Russian epic songs is treated as isolated from the reality, as based on epic singers' erroneous associations of these or those place-names and climatic zones with the four cardinal points, etc. The author concludes that many place-names rendered in bylinas may be treated as presupposing real prototypes – if it is assumed that the bylina universe is marked similarly to the artistic world of Russian spiritual verses. The fact that many bylina plots are connected with the Latyr stone enables one to consider the Holy Land – along with Constantinople, Mount Athos (known in bylinas as “the Holy Mount”), “the Caucasian Mountains”, “the Ararat Mountains”, “the Greek Land”, and “the orochinsk Mountains” – as nearly the main setting of bylina conflicts. In the author's opinion, so as to render bylina “metahistorical” events, it was necessary to use not certain but “universal” place-names – the ones that indicated not a historical event, but different events brought together by the epic consciousness on the principle of spiritual analogy (for example, the image of Kalin Tsar's invasion may reflect either the Mongol massacre of the 13th century or the Grande Armée's encroachment into Russia). Thus, the place-names used in Russian folk epics were of fixed value coordinates, which, in their turn, were well-known to the traditional audience – and so could be used by the epic singer in order to influence his listeners' value centers.

Key words: folklore, heroic epic literature, bylina (Russian epic), artistic context, cultural values, epic consciousness

CITATION: Mironov A.S. Russian epic geography as a semantically marked space. *Literature at School*. 2020. No. 3. Pp. 9–23. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-9-23

В среде былиноведов распространено мнение о том, что былинная география имеет мало общего с реальной в силу «смутных представлений» [24, с. 368] русских певцов о других народах и государствах. Для доказа-

тельства обычно ссылаются на следующие наблюдения:

1) певец слабо ассоциирует со сторонами света типы природно-климатических поясов, «природно-географические топосы» [30, с. 41]

- (например, на Западе от Киева располагает поля и, в частности, «поле Куликово», хотя в реальности поля находятся к югу и к востоку от Киева, а к западу начинаются леса и затем горы);
- 2) многие былинные топонимы не «проецируются» на реальную карту;
 - 3) русское эпическое сознание недооценивает роль геополитического Запада (все враги приходят с востока или с юга, герои отправляются с посольством на восток и на юг);
 - 4) описывая «край» (то место, где начинается действие), певец соединяет топонимы, которые в действительности находятся очень далеко друг от друга [14, с. 478; 27, с. 349] (например, Дюк Степанович называет своей родиной сразу Галицу, Корелу и Индию).

В связи с первым доводом необходимо отметить, что в большинстве случаев певец, описывая визуальный «горизонт» своего героя (Ильи Муромца, оглядывающего окрестности в «трубочку подзорную», а также Добрыни, Дюка или Казарина), ошибочно связывает стороны света с характерным типом пейзажа – за исключением, правда, западной стороны.

На севере, как правило, герой видит «горы ледяные» [5, с. 164; 7, т. 1, с. 451, 469; 7, т. 2, с. 332; 8, т. 1, с. 164], «морё синёе да ледовитое» [7, т. 1, с. 413; 7, т. 2, с. 399]. На юге – «зелены луга», «луга широкие» [7, т. 1, с. 451; 7, т. 2, с. 332], «дуба широкие» [7, т. 2, с. 399], «леса темные» [Там же, с. 293]. В этом случае стороны света противопоставляются по природно-климатическому признаку: на севере природа холодная и скупа, доминирующие цвета –

синий и белый; на юге природа теплая и щедрая (здесь растут даже дубы, о которых северный крестьянин знал понаслышке), доминирующие цвета – зеленый и «темный».

Что же касается оси «восток – запад», то здесь к природным характеристикам добавляются характеристики духовные. Это порождает парадоксальное для современного исследователя позиционирование на востоке не «чистого поля» (как можно было бы ожидать, глядя на карту), но – «гор темных» [7, т. 1, с. 476]. В случае, если в конкретном варианте певец располагает на юге только «луга широкие», без «лесов темных», то эти леса непременно «перемещаются» на восток и «накладываются» поверх гор, создавая величественную картину:

Ище зрил-смотрел
в ту сторонушку восточную –
На востоке там стоят да леса тёмныё,
Леса тёмныя, горы высокиё.
Ище зрит-смотрит
в ту сторонушку во южную –
Где на юге стоят луга широкиё,
Де луга широки, травы зелёныё.
Ище зрит-смотрит
в ту сторонушку во западну –
Де на запади стоит да полё чистое...
[Там же, с. 451]

Когда исследователь слышит, что на западе от былинного Киева расположено «поле чистое», он, как правило, склоняется к выводу о неразвитости географических представлений русских эпических певцов. Между тем, для православного человека противопоставление Востока и Запада очевидно и незыблемо: Восток символизирует Бога, свет, добро, возрастание; Запад – дьявола, тьму, зло, упадок (алтари православных церквей ориентированы на восток,

Случаи, когда певцы отступают от духовной логики противопоставления Востока и Запада, изредка находясь в былинных записях, объяснимы. В отдельных вариантах угроза исходит не с запада, а с другой стороны (обычно с юга) – эти «сбои» находим у тех сказителей, которые утратили духовные ориентиры былинной географии. В таких случаях вовсе отсутствует восточная сторона (например, в поздней записи от Е.П. Чупрова, сделанной в 1950-х гг., где помимо юга и севера упоминается только запад с его «горами ледяными» [5, с. 164]). Как только певец переставал упоминать о восточной стороне, сразу же утрачивалось для него, по-видимому, и духовно-символическое значение былинного Запада: см., например, былинку «Лука, Змея и Настастья» [7, т. 2, с. 332]. Другая причина позднего искаженного восприятия – распространение «исторически правильного» представления о Востоке как об источнике зла для Древней Руси: по этой причине, видимо, в 1978 г. М.Н. Поташова и А.М. Поташов пропели вариант, в котором иноземный витязь приближается с восточной стороны [Там же, т. 1, с. 469] (хотя традиционное отношение к Западу все-таки выразилось в том, что герой заметил в этом направлении «грязи черные»).

Рассмотрим теперь второй довод исследователей, полагающих, что очень многие былинны топонимы имеют сугубо внутреннее, фольклорное значение и не связаны с географией реального мира. В числе таких «неземных» топонимов некоторые современные ученые называют камень Алатырь, землю Латыгорскую, Святые горы и Леванидов крест [25, с. 17]. Все названные географиче-

ские объекты обретают координаты, сопоставимые с координатами реального мира, как только мы допускаем, что былинный универсум размечен аналогично художественной вселенной духовных стихов. В этом мире плакун-трава, например, растет только в одном месте: у подножия Голгофского Креста, где «ходила Присвятая Богородица»:

И ронила она слёзы на сыру землю –
Выростала тут и плакун-трава...
[2, т. II, ч. 3, с. 280]

Когда Василий Буслаев собирается на богомолье в Святую землю, он намерен, в частности:

А ко Христовой гробницы
да прыложитисе,
Во Ёрдане-реки да покупатисе,
На плакуне-травы да покататисе!
[7, т. 4, с. 514]

Такие же планы у сорока калик, которые идут через Киев к Иерусалиму, где растет плакун-трава [7, т. 4, с. 313]. Русскому эпическому певцу и его традиционной аудитории точно известно, что там же, в Иерусалиме, находится камень Алатырь, а в некотором отдалении от святого города – Сорочинские горы, откуда выступает на завоевание Иерусалима «сорочина долгополая» (сарацины).

Героические песни, и духовные стихи, и песни исторические именовались в народе одним словом – старины. Сложно допустить, чтобы певец, исполняя ту или иную старину, представлял себе «бел-горюч камень Алатырь» в одном месте (в Святой земле, потому что «на том на камени на бел-Латыре / Почивал тут сам Исус Христос» [2, т. I, ч. 1, с. 591]), а переходя к исполнению следующей старины, мысленно переносил этот камень

в другое место (например, в окрестности Киева или к берегу северного моря). Когда певец рассказывает о том, что орел свил гнездо «на белом Латыре на камне» [8, с. 366], можно быть уверенным в том, что действие происходит в Иерусалиме («царстве Рахлинском»). Точное местонахождение Латыря известно даже матушке Василия Буслаева:

Там ведь есь-то, скажут,
камень Латырь есь,
Ишше Латырь-от камень-от
святой-от всё;
Установил-то наш Иисус Христос,
небесной царь,
Шьчо на том-то камню
веру православную...
[3, с. 226]

Если в былине мы находим, что Сокольник движется на Русь «от камня от Латыря, от моря от сиверного», то очевидно, что перед нами не двойное (и противоречивое) описание того места, откуда персонаж начал свое путешествие, но перечень этапов этого путешествия, начинающегося на Святой земле (неподалеку от Камня помазания или от Камня в Гробе Господнем, на котором «почивало» тело Христа). В понимании северного певца путешествие из Святой земли на Русь осуществляется морским путем – причем северным, который приводит путешественника к поморским берегам. Указание на «холодное» море следует отнести к одному из этапов подобного странствия (всего же на этом пути эпический певец насчитывает три моря [2, т. I, ч. 1, с. 286]).

В былине про Илью Муромца и Сокольника «край» – то есть географические координаты того места, где разворачивается зачин – указывает на Святую землю как на место рожде-

ния последнего, в связи с чем традиционного слушателя не могло удивить то, что сын Ильи в старине назван «Жидовином», а его мать – «королевой Задонской» («Сидонской»). И если в былине Добрыня отправляется в дальний путь «ко камню ко Латырю» [3, с. 632] и купается в Плакун-реке, то можно быть уверенным, что эпическое действие происходит на Святой земле. Плакун-река – это, безусловно, Иордан, единственная на земле река, в которой, по понятиям русского эпического (и вообще православного) сознания нельзя купаться «нагим телом» [16, с. 99]. Ни одной другой реки, в отношении которой действует подобный запрет, эпический певец не знает и знать не может. Следовательно, и горы, в которых живет Змея (и где томятся плененные ею русские), находятся неподалеку [3, с. 519].

Точная географическая позиция Латыря не только является «началом координат» былинного мира, но и раскрывает глубокое значение многих поступков эпических героев: мы начинаем понимать, что именно из-под Гроба Господня привозит на Русь свой доспех юный богатырь Михайло Данилович [7, т. 4, с. 397–398] (и не случайно герой просит помощи у Господа, чтобы поднять камень – не силой, а молитвой добывается «сбруя богатырская»). Если «баба Латыгорка» живет недалеко от Латыря, то остается лишь вспомнить, что Латыгорка является бывшей женой Святогора, которую тот изгнал после ее прелюбодеяния. В имени красавицы-богатырки находим отзвук «Латынских гор», к которым ведет от Киева «Латынская дорога»; эти горы противопоставляются Святым горам подобно тому, как «вера

латынская», в которой воспитывает Латыгорка своего сына Сокольника, противопоставлена «русской вере» Святогора, побратима Ильи.

Русское эпическое сознание не могло не усматривать глубочайший смысл в судьбоносной встрече Ильи Муромца с этой удивительной супружеской парой, чей противоречивый союз напоминает сосуществование Западной и Восточной частей Римской империи после 1054 г.: русскому богатырю приходится выбирать между блудной связью с представительницей «веры латынской» – и бременем наследования чудесной силы «русского», то есть православного, богатыря Егора-Святогора (ср.: ἄγιος Γεώργιος, «святъ Егоръ»). Позиционирование Латыгорки-Златыгорки (последний вариант имени подчеркивает противопоставление «золота» и «святости») в Палестине («Сидонское королевство») и осмысление «Жидовина-богатыря» как представителя одновременно «жидовской» веры и орудия латинской экспансии заставляет по-новому оценить влияние на русское эпическое сознание впечатлений, связанных с крестовыми походами и деятельностью рыцарских орденов, с новостями о разграблении Константинополя и возникновении «латинских» государств на Святой земле, а впоследствии – о заключении Флорентийской унии и падении Византии.

«Привязка» многих былинных сюжетов к «каменю Латырю» делает Святую землю – а также Константинополь, гору Афон («Святую гору»), «горы Кавказские», «горы Араратские» [8, с. 36, 38, 39], «землю Греческую», «горы Сорочинские» – едва ли не главной ареной былинных конфликтов. Сюда являются неодно-

кратно Илья Муромец и Добрыня Никитич, здесь действуют Михайло Данилович, Константин Саулович, Василиса Микулична (до замужества), Василий Буслаев. И это не удивительно: в эпическом сознании русских не могло быть важнее места, чем Святая земля, а также «Святые горы» и Константинополь. Более того, эти места расценивались как русские; например, сказительница М.Д. Кривополенова из далекой северной деревни Шотогорки считала Царьград «нашим»: «было у нас во Царе-гради...» [2, т. I, ч. 1, с. 348]. Эпические певцы знали, что попавший в беду царь Соломан, богатырь Самсон Самойлович (тот самый, у которого на главе «семь волос ангельских»), алыберский царевич Костентинушка Саулович [10, с. 134] или сидящий в «Царе-граде» император Константин Боголюбovich исповедуют «веру русскую», они такие же русские люди, как Микула Селянинович, Илья Муромец и князь Владимир – эту особенность концепта Святой Руси как «понятия не этнического» отмечал С.С. Аверинцев [1, с. 219].

Как можно видеть, былинная «фселенная» не только открыта навстречу реальному, историческому Ближнему Востоку и Средиземноморью, она складывается и «вращается» вокруг центральной оси: Новгород – Киев – Корсунь – Царьград – Иерусалим.

Третий довод исследователей, отмечающих «разрыв» былинной географии с географией реальной, заключается в том, что в русских героических песнях якобы упомянуто крайне мало топонимов, имен и событий, связанных с землями к западу от Новгорода и Киева. В эпосе русских якобы отсутствует представление о германских народах (кроме немецких

«замков» и «трубочек подзорных»), о Франции (кроме копий «бурзамецких», в которых некоторые видят указание на Бургундию), об Италии (кроме «тальянского короля», которому служит Илья, а также «тальянской калачницы» [18, т. 2, с. 50]), об Англии, Дании. Ни одно вражеское нашествие не приходит на эпическую Русь с запада; заезжие витязи прибывают из Корелы, Галицы, Орды или Индии, но только не из Европы.

Оригинальное свойство былинного мировосприятия состоит в том, что жители всех этих стран (Германии, Франции, Италии, Англии) воспринимаются как русские – при условии, что исповедуют «русскую веру». Так, царевна Минчигрия, обращаясь к Бове Королевичу (родом, как известно, из города Антона в Западной Европе), побуждает его забыть «веру православную, христианскую» [29, с. 59]. Нигде в былинах не говорится, что дочь короля Симеона Леховитова (властителя страны, соседствующей с Киевской Русью с запада, то есть Литвы, Польши, Чехии или Венгрии) исповедует «веру поганую» – она просто венчается с князем Владимиром в киевском соборе. Нам неизвестно, из какой страны прибывает Чурила Пленкович (сын Пленка из Сурожа – может быть, гетуэца, грека или еврея), певцу и его аудитории важно лишь то, что он «веры русской», а не «поганой» – то есть христианин. Русскими по вере представляются и Соловей Будимирович, прибывающий на кораблях из далекого Леденца (Венеции?), и даже родившийся в «Индии богатой» Дюк Степанович (его матушка, как известно, ходит к «Христовой заутрене», и этого достаточно, чтобы признать Дюка русским богатырем). Вполне

русским считается Полкан-богатырь, с которым эпический певец и его аудитория были знакомы по сказкам о Бове Королевиче и которого находим сперва на пиру у князя Владимира [10, с. 188], а затем, в железной шапке, на носу огромного «Сокола-корабля» под началом Ильи Муромца [4, с. 34].

Итак, эпическое сознание русских не делает различий между Францией, Германией, Польшей и т.д. до тех пор, пока богатыри из этих стран исповедуют «веру русскую». После же церковного раскола все эти страны получают для русского певца наименование «латынской земли», и снова – но уже по другой причине – русскому человеку не важно, из какого именно края этой «латынской земли» собирается на Русь Скурла-царь (Карл Великий или Карл XII?), чтобы «православную веру облатынить всю» [7, т. 2, с. 138].

Несмотря на такую «невнимательность» к конкретным народам и краям Западной Европы, не следует преуменьшать степень географической осведомленности былинного сказителя. Он уверенно выделяет на западе дружественное царство Леховинское, где правит тесть князя Владимира, отец княгини Апраксии (сказительница А.А. Шишолова даже включала Симеона Леховитова в киевскую дружину, поспешую в Ерусалим на помощь царю Соломану [5, с. 94]), а также Литву, с которой отношения более напряженные, но часто вполне мирные. Как поет Т.Г. Рябинин, Михайле Потыку приходилось отвозить киевскую дань «политовскому» королю Чубадею [19, с. 63]. Дунай Иванович шесть лет служит верой-правдой литовскому королю и даже завязывает роман с его дочерью Настасьей, однако вывезенный им из Литвы «чернобархатный» шатер

(в противоположность русским белополотняным шатрам) воспринимается как элемент чуждой, враждебной культуры. Поэтому Литва может именоваться и «проклятой» (но не «поганой»); так, оттуда братья Ливики приходят с набегом на Русь, действуя вопреки воле своего короля Чимбала (тот советует им вместо Руси напасть на Левонскую землю со столичным городом Красным). «Наезд» зарвавшихся юных литовцев – очевидное исключение из правила, согласно которому «Политовское королевство» воспринимается как мирный сосед, допустимая на крайний случай «альтернатива» Киеву. Именно туда Ставр Гоудинович намеревается сбежать вместе с супругой от опалы князя Владимира [23, с. 211] (подчеркнем, что певец этой былины, знаменитый Бутылка [А.Е. Чуков] отличает «Политовское королевство» от «Ляховицко-го»). Королю «политовскому» служат «паны-улановья» (в противоположность «турзам-мурзам» татарских властителей), так что и сама земля определяется как «Панева-Уланева» [25, с. 157].

Недалеко от Литвы – по-видимому, в «Левонской», «Лимоньской» земле – правит «король прусский» [3, с. 381]. Туры пробегает мимо городов Шахов и Ляхов (Б.Н. Путилов полагал, что эти названия происходят «от древнерусских слов “чехи”, “лехи” [“ляхи”]» [25, с. 509]). Известен эпической Руси «король Астрицкий», который задолжал Киеву «пошлины за три годика» [3, с. 319]. Отмечено на карте былинного мира и королевство Шведское, где служат под началом Хотея Збудовича девять сыновей Часовой вдовы [16, с. 275]; сам Илья Муромец отвозит шведскому королю дань за двенадцать с половиной лет [18, с. 63].

Что же касается представления о том, что ни одно эпическое нашествие (вопреки историческому опыту) не надвигается на былинную Русь с запада, то это мнение – результат шаблонного восприятия, в соответствии с которым враги русских богатырей *a priori* ассоциируются с кочевым востоком и монголо-татарским нашествием. Ни в одном из вариантов былины о Скурле-царе, записанных Н.Е. Ончуковым, не упоминаются ни татары, ни «турзы-мурзы»; в свою очередь, Идолище Поганое в целом ряде вариантов, захватив Царь-град, намеревается православную веру «облатынить всю» [7, т. 3, с. 343]. При этом невозможно предположить, что эпическое сознание русских не делает различий между «татарской силой бусурманской» [2, т. 1, ч. 1, с. 472], «сорочиной долгополою», и – «латынами».

С конца XVII в. жители Москвы и других русских городов знакомились с Ильей Муромцем через «повести в лицах», в которых «темная силушка», осадившая Чернигов, непременно именовалась татарской, «бусурманской», как, например на лубочной картинке «Илья Муромец под Черниговом» [11], а три царевича, стоявшие во главе осаждавших, – царевичами татарскими. Между тем, в значительном количестве вариантов [22, вып. 1, с. 34–39; 12, с. 25–31; 6, т. 1, с. 252–256; 6, т. 2, с. 173–181], в том числе в записи от Т.Г. Рябинина [19, с. 11–19], нет и намек на то, что эта «силушка» явилась именно с востока, а не, к примеру, из Литвы (в одном из прозаических пересказов, записанных А.М. Астаховой, вражьей силой и вовсе руководит некий Данила Белый [7, т. 3, с. 342]).

Былины о вражеских нашествиях привычно трактуются как отражающие народную память о вторжении монголо-татар. Упомянутые выше записи о Скурле, сделанные Н.Е. Ончуковым, в советских изданиях озаглавлены как былины о «Василие Игнатъевиче и Батыге» [19, с. 411], несмотря на то, что «Батыга» в них не упоминается (сам Н.Е. Ончуков именовал их песнями о «Василие Игнатъеве» [20, с. VI, IX]). Автор комментария в советском издании уверенно утверждает, что эти былины связаны с «монголо-татарским нашествием на Киев» [28, с. 58]. Между тем, слово «татары» в записях опять-таки не встречается; в свите Скурлы (варианты имени – Курла-царь, Егор Скорляк, Скурлак) обнаруживаются не «турзы-мурзы», но «сорок королей, сорок королевичей»; завоеватель посылает в Киев толмача, который «говаривал по-руському, протолмачил по-немецкому» [20, с. 134]. Наконец, в одном из вариантов Скурла из своих подчиненных «сорока королей» выбирает для переговоров с Киевом «короля Бурлинского» [7, т. 2, с. 154]. Только в двух вариантах, записанных в одной деревне и очень поздно, уже в 1942 г., слуги Скурлы именуется татарами (при этом в творчестве сказителя А.П. Ермолина в целом чувствуется влияние книжных пересказов, в которых завоеватели непременно назывались татарами).

В былинах о Скурле, скорее всего, отразились воспоминания о нашествии армии Наполеона Бонапарта (и, может быть, шведского короля Карла XII). То же самое можно сказать о некоторых вариантах былины про Калина (вариант: Каина [3, с. 1040]) – царя, который живет в месте под

названием «Елесина поля», покорил «двенадцать земель сильных» (ср.: «двунадесять язык») и намеревается в православных храмах устроить конюшни [9, с. 296; ср.: 7, т. 1, с. 484] (черта, врезавшаяся в народную память после нашествия 1812 г.).

Рассматриваемая былинная фабула в восприятии слушателя могла «переоблачаться» в образную фактуру разных эпох – потому, что она изначально символична, освобождена от исторической конкретики, не привязана к топонимам и реальным именам. Напротив, сюжет про «Батыгу» всегда остается связанным с татарской темой и уже не может воспринять новые черты, актуализирующие ситуацию для аудитории, именно потому, что содержит историческое имя «Батыга» (Батый).

События, отделенные друг от друга пятью с лишним веками, свободно «укладываются» в былинный сюжет про Скурлу/Кудреванко/Калина именно потому, что этот сюжет описывает «типовую» для русской истории ситуацию (А.М. Панченко относил к этому типу Куликовскую битву, Полтавскую баталию, Бородинское сражение – «вынужденные сражения», ставшие «нравственной заслугой» для нации [21, с. 201]). Как можно видеть, черты разных исторических событий объединяются в эпические образы по принципу духовной аналогии (близости ценностных координат), и любой такой образ является ценностно маркированным. О том, насколько ценной была возможность актуализации («современного прочтения») былинного сюжета, свидетельствует наблюдение А.М. Астаховой. Исследовательница отметила «живое восприятие содержания героического эпоса» знаменитой

сказительницей Марией Дмитриевной Кривополеновой. Исполняя былинку о Калине, Мария Дмитриевна ассоциировала изображенное в былинке нашествие татар с событиями Первой мировой войны, в частности, прибавив от себя, что Калин действовал «как нынешний ерманец» [12, с. 467].

Заметим, что сюжет о Калине-царе, поднявшем против Руси множество народов, пригоден для описания более поздних событий российской истории (например, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Чтобы этот сюжет был «открыт» новейшим историческим реалиям, в описание вражеского нашествия намеренно включаются черты разных стран и культур; тем самым подчеркивается не конкретно-исторический, а «метаисторический», духовный смысл события как типичного, повторяющегося. Так, например, Калин-царь велит своим слугам:

Вы пишете скоро грамоту тотарскую,
Ай тотарську вы грамоту немецкую.

[3, с. 43]

Сказительница А.М. Крюкова, безусловно, понимала, что татары и немцы – два разных народа; это могли быть и представители других этносов. Здесь мы переходим к четвертому доводу, который приводят те исследователи былин, которые упрекают русских эпических певцов в плохом знании географии реального мира.

Етмануйл Етмануйлович не случайно именуется «грозным королем», а не «царем», и сидит в «дальней орде, Золотой земле» [10, с. 56, 73] (это название похоже на Золотую орду, но допускает и другие толкования). Черты разных цивилизаций Евразии, отделенных друг от друга веками

истории и тысячами километров расстояния, соединяются в образе «злого неверного пана – молодого Солтана» [8, с. 203; 7, т. 3, с. 44]. О том, что словом «пан» называют не татар, а поляков, русский эпический певец хорошо осведомлен: например, в «Древних российских стихотворениях, собранных Киршею Даниловым» находим упоминание «Юрья пана Седомирскова» [10, с. 63] – разумеется, не в былинке, а в исторической песне, для которой важны конкретика, точность. Но как только Кирша Данилов от исторических песен переходит к песням богатырским, он начинает смешивать панов с султанами, соединяет «Корелу проклятую» с Галицей и Индией, «сажает» королей на турецкий трон и т.п. – отнюдь не по причине плохого знания географии.

Соединение несоединимых (с исторической и географической точек зрения) черт для характеристики «чужеземного» явления – не ошибка, но художественный принцип былин. Подобно тому, как певец подбирает нужные *loci communes* для решения технических задач композиции (и мотивы с различной семантикой для коррекции ценностного центра конкретного слушателя), он использует также условные, символические топосы. Каждый из них имеет сюжетно-композиционную роль; это примерно следующие роли:

На юге от Киева:

- 1.1. «Ближний» дружественный юг (климатический аспект – «сторона летняя»), он же восток (символический аспект – «Царь-град», Алыберское царство).
- 1.2. «Дальняя» дружественная земля на юге (климатический аспект), она же центр мира (символический аспект) с православной

- («русской») верой («Ерусалим» и царство Рахлинское).
- 1.3. «Дальняя» враждебная земля на юге (климатический аспект), она же центр мира (символический аспект) – бывшая «земля Греческая», под которой русское эпическое сознание понимало в первую очередь не Пелопоннес, но земли бывшей Византии в Малой Азии и на Ближнем Востоке, где находилось подавляющее большинство христианских святынь. В «земле Греческой» с некоторых пор господствуют Змея и ее змееныши, обитающие в Змеиных горах; там же томятся «полоны российские» – люди, которых Змея уносит и держит в рабстве; пленницы вынуждены выкармливать молоком змеенышей. Здесь же протекают реки Сафат и Офрак, здесь находятся «поганные» королевства Подолянское и Задонское (последнее находим в «Повести о Бове», там правит король Маркобрун; в этой повести упоминается и знакомое по былинам Рахленское [Рахлинское, Ерухлимское] царство, где правит Салтан Салтанович и исповедуют «веру латынскую», а также царство Армейское [Арменское]). В этих краях живет Златыгорка и распространены колдовство и оборотничество.
- На западе от Киева:
- 2.1. «Ближний», дружественный Запад с «русской верой» (Леховитское королевство, Кряков, Шахов и Ляхов, Политовское королевство, Литва, Прусское королевство, Шведское королевство, Астрицкое королевство, град Веденец, Земля Тальянская).
- 2.2. «Дальние» латинские земли на западе (географический и символический аспекты) с «поганой» верой – сливаются в единое целое с «дальним» враждебным югом (см. выше, пункт 1.3).
- На востоке от Киева (подробный перечень топонимов былинного востока находим у Ю.А. Новикова [19, с. 357–359]):
- 3.1. «Ближний» враждебный Восток (в географическом аспекте) с бусурманской верой – крымские татары и «калмыги» [13, т. V, кн. 1, с. 75], а также разбойники, «станичники».
- 3.2. «Ближний» относительно дружественный Восток (в географическом аспекте) – царь Бухарь, царь Вахромей.
- 3.3. «Дальний» враждебный Восток – царство «турецкого короля», «Золотая орда», «Золотая земля», «Мангазея богатая».
- Неизвестное направление (чрезвычайно удаленные регионы и страны):
- 4.1. «Индея богатая» – очень далекий дружественный край, в котором исповедуют «веру русскую».
- 4.2. Инишное царство – своего рода антипод «Индеи богатой» – очень далекий край, в котором правит «царь Собака», обладающий, в частности, колдовской способностью вызывать наводнение игрой на гусях.
- Необходимо уточнить выводы современных исследователей [напр.: 32, с. 46] о том, что былинная география основана исключительно на унаследованной у дохристианского мифологического сознания оппозиции «свой – чужой»: в былинах границы «своего» мира весьма подвижны и далеко не совпадают ни с границами исторической Руси, ни с ареалом

расселения восточного славянства, но включают, в частности, Византию и Святую землю.

Как можно видеть, былинная география есть пространство, размеченное смыслами: объекты, имеющие в реальном мире очень разные географические (и временные) координаты, в былинном мире максимально сближаются. В отличие от сказочного топонима, заведомо оторванного от реальности, символический топоним былины указывает на группу событий, сближаемых по принципу духовной аналогии, и тождество ценностных координат может выражать-

ся в единстве географического позиционирования.

Топонимы русского эпоса имели фиксированные аксиологические координаты, значение которых было хорошо известно аудитории, и потому могли использоваться сказителем как одно из средств оказания корректирующего воздействия на ценностный центр слушателя, в частности, для того, чтобы ценностно маркировать поступки героев, вписать их в общий контекст и масштаб эпопеи – и, не прибегая к морализаторству, обеспечить желаемую, в том числе критическую, оценку этих поступков.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Византия и Русь: два типа духовности // *Новый мир.* 1988. № 7. С. 210–222.
2. *Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым: В 3 т.* СПб., 2002–2003.
3. *Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова.* СПб., 2002.
4. *Былины новой и недавней записи из разных местностей России / под ред. О.Ф. Миллера.* М., 1908.
5. *Былины Печоры и Зимнего Берега: Новые записи.* М.; Л., 1961.
6. *Былины Севера: В 2 т.* М.; Л., 1938.
7. *Былины: В 25 т.* СПб.; М., 2001.
8. *Былины.* М., 1988.
9. *Былины.* М., 1998.
10. *Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым.* М., 1977.
11. *Илья Муромец под Черниговом. Лубочная картинка начала XVIII века // РНБ. Собрание А.В. Олсуфьева.* Т. XIII.
12. *Илья Муромец / отв. ред. Д.С. Лихачев.* М.; Л., 1958.
13. *Миллер В.Ф.* Новые записи былин в Якутской области. СПб., 1900.
14. *Миллер О.Ф.* Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869.
15. *Неклюдов С.Ю.* Время и пространство в былине // *Славянский фольклор.* М., 1972. С. 18–45.
16. *Новгородские былины.* М., 1978.
17. *Новиков Ю.А.* «Чужие» миры в былинах // *Рябининские чтения – 2011.* Петрозаводск, 2011. С. 357–360.
18. *Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года.* 2-е изд. Т. 2. СПб., 1896.
19. *Онежские былины.* М., 1948.
20. *Ончуков Н.Е.* Печорские былины. СПб., 1904.
21. *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
22. *Песни, собранные П.В. Киреевским.* Вып. 1. М., 1860.
23. *Песни, собранные П.Н. Рыбниковым.* 2-е изд. Т. 1. М., 1909.
24. *Петкевич Г.С.* Западный мир в былинах: историческая память и художественный вымысел // *Рябининские чтения – 2011.* Петрозаводск, 2011. С. 368–370.
25. *Путилов Б.Н.* Былины – русский классический эпос // *Былины: сборник.* Л., 1986. С. 5–46.

26. *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М., 1958.
27. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
28. *Селиванов Ф.М.* Русский эпос. М., 1988.
29. Сказания про храброго витязя про Бову Королевича. М., 1915.
30. *Тарланов З.К.* Географическое пространство русских былин // Филологические науки. 2001. № 4. С. 32–44.
31. *Черванева В.А., Артеменко Е.Б.* Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира. Воронеж, 2004.
32. *Черноусова И.П.* Топонимия как часть фольклорно-языковой картины мира (на материале былин) // Вестник ЛГПУ. 2014. № 1 (10). С. 39–46.

References

1. Averincev S.S. Byzantium and Rus': two types of spirituality. *Novyj mir*. 1988. No. 7. Pp. 210–222. (In Russ.)
2. Arhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A.D. Grigor'evym [Arkhangelsk bylinas and historical songs collected by A.D. Grigoryev]. In 3 vols. St. Petersburg, 2002–2003. (In Russ.)
3. Belomorskie stariny i duhovnye stihy: Sbranie A.V. Markova [White Sea bylinas and spiritual verses: A.V. Markov's collection]. St. Petersburg, 2002. (In Russ.)
4. Byliny novoj i nedavnej zapisi iz raznyh mestnostej Rossii [Byliny of new and recent recordings from different localities of Russia]. O.F. Miller (ed.). Moscow, 1908. (In Russ.)
5. Byliny Pechory i Zimnego Berega: Novye zapisi [Pechora and the Winter Coast's bylinas: New records]. Moscow; Leningrad, 1961. (In Russ.)
6. Byliny Severa [Northern bylinas]. In 2 vols. Moscow; Leningrad, 1938. (In Russ.)
7. Byliny [Bylinas]. In 25 vols. St. Petersburg; Moscow, 2001. (In Russ.)
8. Byliny [Bylinas]. Moscow, 1988. (In Russ.)
9. Byliny [Bylinas]. Moscow, 1998. (In Russ.)
10. Drevnie rossijskie stihotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym [Ancient Russian poems collected by Kirsha Danilov]. Moscow, 1977. (In Russ.)
11. Ilya Muromets near Chernigov. The lubok of the beginning of the XVIII century. *NLR*. A.V. Olsufev's collection. Vol. XIII. (In Russ.)
12. Il'ya Muromec [Ilya Muromets]. D.S. Likhachyov (ed.). Moscow; Leningrad, 1958. (In Russ.)
13. Miller V.F. Novye zapisi bylin v Yakutskoj oblasti [New bylina records in the Yakutsk Region]. St. Petersburg, 1900. (In Russ.)
14. Miller O.F. Il'ya Muromec i bogatyrstvo kievskoe [Ilya Muromets and Kievan bogatyr]. St. Petersburg, 1869. (In Russ.)
15. Neklyudov S.Yu. Time and space in bylinas. *Slavyanskij fol'klor*. Moscow, 1972. Pp. 18–45. (In Russ.)
16. Novgorodskie byliny [Novgorodian bylinas]. Moscow, 1978. (In Russ.)
17. Novikov Yu.A. «Alien» worlds in bylinas. *Ryabininskie chteniya – 2011*. Petrozavodsk, 2011. Pp. 357–360. (In Russ.)
18. Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda [Onega bylinas recorded by Alexander Fedorovich Hilferding in the summer of 1871]. 2nd ed. Vol. 2. St. Petersburg, 1896. (In Russ.)
19. Onezhskie byliny [Onega bylinas]. Moscow, 1948. (In Russ.)
20. Onchukov N.E. Pechorskie byliny [Pechora bylinas]. St. Petersburg, 1904. (In Russ.)
21. Panchenko A.M. Russkaya kul'tura v kanun petrovskih reform [Russian culture on the eve of Peter's reforms]. Leningrad, 1984. (In Russ.)
22. Pesni, sobrannye P.V. Kireevskim [Songs collected by P.V. Kireevsky]. Ed. 1. Moscow, 1860. (In Russ.)
23. Pesni, sobrannye P.N. Rybnikovym [Songs collected by P.N. Rybnikov]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow, 1909. (In Russ.)
24. Petkevich G.S. The western world in bylinas: Historical memory and literary imagination. *Ryabininskie chteniya – 2011*. Petrozavodsk, 2011. Pp. 368–370. (In Russ.)

25. Putilov B.N. Bylinas – Russian classical epos. *Byliny: Sbornik*. Leningrad, 1986. Pp. 5–46. (In Russ.)
26. Propp V.Ya. Russkij geroicheskiy epos [The Russian heroic epos]. Moscow, 1958. (In Russ.)
27. Rybakov B.A. Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi [Kievan Rus'. Legends. Bylinas. Chronicles]. Moscow, 1963. (In Russ.)
28. Selivanov F.M. Russkij epos [The Russian epos]. Moscow, 1988. (In Russ.)
29. Skazaniya pro hrabrogo vityazya pro Bovu Korolevicha [Tales of the brave vityaz knight Bova Korolevich]. Moscow, 1915. (In Russ.)
30. Tarlanov Z.K. Geographical space of Russian bylinas. *Philological Sciences*. 2001. No. 4. Pp. 32–44. (In Russ.)
31. Chervaneva V.A., Artemenko E.B. Prostranstvo i vremya v fol'klorno-yazykovoj kartine mira [Space and time in the folklore and linguistic world picture]. Voronezh, 2004. (In Russ.)
32. Chernousova I.P. Place-names as part of the folklore and linguistic world picture (on the example of bylinas). *Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University*. 2014. No. 1 (10). Pp. 39–46. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.03.2020, принята к публикации 30.04.2020
The article was received on 10.03.2020, accepted for publication 30.04.2020

Сведения об авторе / About the author

Мионов Арсений Станиславович – кандидат филологических наук; доцент кафедры народной художественной культуры, ректор, Московский государственный институт культуры

Arseny S. Mironov – PhD in Philology (Literature); Assistant Professor at the Folk Artistic Culture Department, rector, Moscow State Institute of Culture

E-mail: arsenymir@yandex.ru